

Инакомыслие и инакосидение: что прежде?

Легко нам по прошествии десятков лет редактировать стихи Смелякова и приходить в негодование от статьи Федотова

Здравствуй Пушкин написано в 1946 году

Певец – в 1937 году.

(увы, не нашёл дат их написания). Но разве не их слепотой мы прозрели и освободились от суетной веры? Разве не их, Смелякова и Федотова, болезнями исцелили от пьянства имперской страсти? Тогда почему негодуем? Почему не благодарим? Причём, словами Федотова возмущаемся, а слова Смелякова поправляем, хотя оба говорят об одном: о пуле в царя и гибели империи. Почему не наоборот? Почему не возмущаемся словами Смелякова?

Да, оба в слепоте, оба в заблуждении пребывали, но пребывать в заблуждении можно по-разному, и в разных местах можно в заблуждении пребывать. Для пояснения этой мысли предлагаю разобрать по составу слово «диссидент». Воспринятое русским языком в значении «инакомыслящий», слово «диссидент» происходит от латинского *dissidere*: 1) быть вдали, отстоять; 2) быть несогласным; 3) отличаться, противоречить. Оно произошло с помощью приставки *dis-*, означающей «разделение, разъединение, расчленение», от корня *sedere*: «сидеть, восседать». Стало быть, в буквальном значении «диссидент» значит, «они раздельно сидят».

По разным местам сидели, сидят и будут сидеть по-разному мыслящие. Причём, потому ли сидят по разным местам, что по-разному мыслят, или по причине разномыслия оказались разно рассажеными – это кому как угодно установить причину и следствие, тот пусть так и устанавливает. И не столько на тюрьмы и прочие не столь отдалённые места я здесь прозрачно намекаю, сколько о всей нашей жизни говорю, потому что все мы в ней раздельно сидим. И разность общественного положения людей находится в прямой зависимости от разности их мыслей, и наоборот.

По сути, читатель, мы подняли сейчас с вами главнейший вопрос философии. Кто кого определяет? Сознание ли бытие? Или бытие сознание? И мы могли бы долго этот вопрос обсуждать (*), да надо возвращаться к нашим сидельцам. Итак, можно, сидя в концентрационном лагере, об империи ослепшим разумом думать, а можно, сидя в парижском кафе или за кафедрой, заблудшим умом имперский вопрос обсуждать. Но дело не в этом. Кашу заваривали Федотовы, а расхлёбывать её пришлось Смеляковым. Но дело даже не в этом. Смеляковы искушение претерпевали, а Федотовы от него убежали. Но и опять не в этом дело. Снисхождения заслуживает больной, лежащей в горячечной страсти, тогда как больной, который не столько сам болеет, сколько подогревает страсть в других, лишается всякого снисхождения. Но почему мы решили, что Смеляковы относятся к первым, а Федотовы ко вторым?

(*) Любомудрый читатель! Хотите знать, как решает этот вопрос Апостол Павел? *Несть бо муж от жены, но жена от мужа: ибо не создан бысть муж жены ради, но жена мужа ради. /.../ Обаче ни муж без жены, ни жена без мужа о Господе. Якоже бо жена от мужа, сице и*

муж женою: вся же от Бога (1Кор.11:8-12). Чтобы узнать ответ Апостола Павла на основной вопрос философии, замените слово «муж» словом «сознанием», а слово «жена» словом «бытие».

Если бы Федотовы действительно болели так, что не замечали бы своей болезни, т.е. были бы упоены страстью, то отдали бы всё за неё, а именно, всеми силами стали бы выполнять задачу «синтеза империи и свободы», которую они сами себе поставили. «Пусть Российская империя погибла, не решив этой пушкинской задачи. Она стоит и перед нами, как перед всеми будущими поколениями, теперь еще более трудная, чем когда-либо, но непреложная, неотвратимая. Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой свободой». Что мешало Федотовым приехать в Россию и решить эту стоящую перед ними, как и перед всеми будущими федотовскими поколениями, задачу одухотворения имперской тяжести свободой? Без слов понятно, что мешало: репрессии, ссылки, расстрел. Значит, оставалась капля здравого смысла в господах. Значит, был у них разум. Зачем же они тогда над больными людьми смеялись? Зачем одобряли тех, кто жестоко и без памяти страдал? Зачем подогревали страсть?

Вот и выходит с Г.П.Федотовым то, о чем сказал Златоуст: ««Но ты, скажешь, (в своё оправдание, - Г.С.) увлекался страстью? Зачем же содействуешь другим и хвалишь? *Не только их* (т.е. дела достойные смерти, - Г.С.) *делают*, говорит апостол, *но и делающих одобряют*. Таким образом, чтобы обличить язычника, апостол прежде всего ставит на вид самый тяжкий и неизвинительный грех, потому что одобряющий грех гораздо хуже самого согрешившего».

«Мы перестаём вас понимать, батюшка, - скажет читатель. - Почему вы благородную цель – создание сильного государства – называете болезнью? Почему великую задачу, которую, может, не вполне осознавал сам Пушкин, но которую осознали и определили для себя те, кто подняли поэзию Пушкина на свои знамёна, называете страстью? Вы только вслушайтесь в то, как она (задача, а не страсть) звучит: «синтез империи и свободы». Какие возвышенные слова!»

Слова звучат красиво, но давайте задумаемся в их смысл. Не сказано: синтез свободы и империи, но: империи и свободы. Впрочем, в ином порядке сказать нельзя. Господь, говоря об истине и свободе, на первое место поставил истину. Не сказал: через свободу познаете истину, но через истину освободитесь: *истина свободит вы* (Ин.8:32). Свобода всегда после, а прежде необходим труд созидания. Свободу на первом месте мы видим в лозунге разрушения: «свобода, равенство, братство». Значит, всё правильно сказал Федотов: сперва империя, после свобода, причём, в последнем предложении своей статьи он слово «империя» написал с большой буквы, а «свобода» с маленькой, назвав её «крылатой». Но вслушаемся в это словцо.

«Крылатая свобода», что это? Свобода крылатого парения над бездной? Впрочем, оставим наши, может, уже раздражающие читателя выпады в сторону нечисти, а то он скажет, что батюшке кругом мерещатся бесы. Просто эти лукавые книжники проговариваются иной раз насквозь. Ведь не назвал Федотов имперскую свободу «великой» или «желанной», или «могучей», не назвал её, наконец, тем главным словом, которое должен был произнести христианин, если он является таковым по духу, а не по форме. Тем более, что прежде он произнёс слово, подготавливающее к приятию этого главного слова, т.е. слово «одухотворит», короче, не сказал: Христовой свободой, но сказал: крылатой. «Россия не будет жить, если не исполнит завещания своего поэта, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой Империи крылатой

свободой». О чём же свидетельствует выражение Федотова «крылатая свобода? В лучшем случае о том, что им полностью забыто, точнее сказать, отбито свободолюбивой лирикой Пушкина понимание истинной свободы. А в худшем случае? Но мы условились не говорить о худшем.

К одухотворению тягловой тяжести своих государств Христовой свободой призваны все христиане, конечно, не Федотовым Г.П., но Христом Богом. *Тогда сказал Иисус к уверовавшим в Него иудеям: если пребудете в слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными* (Ин.8:31,32). К свободе призваны христиане, но к какой? Не к крылатой, не к великой, но к Христовой. А посему, если и строить нам, крестьянам, свои, крестьянские государства и империи, то ради одной только Христовой свободы. В чём же она состоит? *К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу. Ибо весь закон в одном слове заключается: люби ближнего твоего, как самого себя. Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом* (Гал.5:13-15). У подлинной свободы не крылья, но руки, прибитые ко кресту.

Если бы Федотов написал: «Россия не будет жить, если не исполнит заветания Апостола Павла, если не одухотворит тяжесть своей вновь воздвигаемой империи Христовой свободой...», разве не был бы он прав? Но он так не написал, и мы его ошибок не исправляем, как исправляли стихи Смелякова, но решительно на них негодуем. Почему? К вышеназванным причинам добавим ещё одну.

Федотов родился в православной державе в 1886 году. А Смеляков? В 1912. Поэтому, с Федотова мы вправе спросить то, чего со Смелякова спрашивать не можем. Например, знание Евангелия. Что мешало Федотову написать слова об империи и свободе так, как мы их за него написали? Ничто не мешало, всё только способствовало, однако он написал их не по-евангельски, а по-своему. И наоборот. Всё мешало Смелякову жить и говорить по-человечески (государственное безбожие, беззаконие, аресты, страх), и, однако же, он старался жить и говорить по-человечески, а не по-крылатому. По-человечески, это и значит по-евангельски, поскольку душа по природе – христианка, как сказал Тертуллиан.

На главной площади страны,
невдалеке от Спасской башни,
под сенью каменной стены
лежит в могиле вождь вчерашний.

Над местом, где закопан он
без ритуалов и рыданий,
нет наклонившихся знамен
и нет скорбящих изваяний,

ни обелиска, ни креста.
ни караульного солдата -
лишь только голая плита
и две решающие даты,

да чья-то женская рука
с томлящей нежностью и силой
два безымянные цветка

к его надгробью положила.
1964 г.

Я не испытал и не пережил десятой доли того, что пережили Федотов и Смеляков. Вправе ли я судить их так, как судил выше? Едва ли. Почему же сужу? Почему вообще берусь судить кого-либо, когда прекрасно знаю слова Господа: *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить* (Мф.7:1,2)? Да и вообще, зачем мне нужно читать и разбирать чьи-то сочинения? Не читал бы, не судил бы, и спал бы спокойно. Или читал бы, да хвалил. Ты хвалишь – тебя хвалят, ты льстишь – тебе льстят. Какою мерой мерите... Зачем же я мерю строгой мерой?

Моя мера, читатель, на самом деле, не строгая, но милостивая. В такую же меру и себе суд готовлю. Поскольку суда мне не избежать: судил, значит, судим буду (а ведь есть люди, которые уйдут в вечность без суда: они никогда никого не осудили!), то остаётся одно: самому себе назначать меру наказания, потому как: *имже бо судом судите, судят вам* (Мф.7:2)? Какая же это мера и какой суд? Это мера – смирение. (*)

В приведённых стихах Смелякова я слышу Божию правду смирения. *Всяк возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется*. В русском переводе: *всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк.14:11). В Псалтыри (**) об этом сказано так: *Смирися и спасе мя* (Пс.115:5). В переводе П.Юнгера: «Я смирился, и Он спас меня». Эту-то правду не хотят знать крылатые свободолюбивые существа. Они бегут от неё, когда она им предлагается за полцены, и противятся ей, когда она даётся им даром. Но её ищут и любой ценой хотят знать люди, слышащие её отголосок в себе. Они её ищут и любой ценой хотят знать даже тогда, когда её от них наглухо прячут.

(*) «Это как же понять? Вам в наказание – высшую меру добродетели? - удивился читатель и пояснил свои слова так. - Смирение это непостижимое Божественное свойство, свойство и природа Бога, и не просто святых, а уже бесстрастных человек. Как вы можете сами себя им наказывать, когда оно даруется за великие поты терпения поруганий и унижений, за безропотное распятие на крестах». Дорогой читатель, не об этом смирении я веду речь. Не о Божественном, но о всем доступном человеческом смирении мы здесь говорим.

(**) «Вы то Псалтырь, то Псалтирь пишете», - заметили автору внимательные читатели. Точно, то «и», то «ы» пишу. Старообрядцы пишут через «ы», и я через раз на них оглядываюсь.

Что мне до этих цветков, легших на сталинскую могилу? Они настолько незаметны, что остались неназванными. Незаметные цветы на незаметной могиле. Их положила чья-то женская рука, с силой и, надо же так умело подобрать слова, «томящей нежностью». А год-то какой? 1964. Это значит, что «на главной площади страны, невдалеке от Спасской башни» уже высятся Хрущёв, Гагарин, Пахмутова, слышится «Нежность». Это, конечно, не та нежность, о которой говорит Смеляков. (*) Страна вновь стремится вперёд, являя всему миру идеал счастливой жизни без Бога в дружной семье советских народов. Но какое мне до них дело? Никакого. Мне также не было бы никакого дела и до двух цветков Смелякова, т.е. двух его стихотворных предложений, если бы я не услышал в них смирения. «Чего-чего? Полно тебе, есть ли оно там? Может, тебе это только кажется? Может, ты просто очарован поэзией

последнего четверостишья?» Может, и очарован. Но всё познаётся в сравнении. Мы не случайно поставили рядом «крылатую свободу» Федотова и «томящую нежность» Смелякова. К чему относятся та и другая? К империи. Что же такое империя, чтобы так по-разному к ней относиться?

(*) Справившись в интернете, я узнал, что песня «Нежность» была написана в 1966 году, а общенародной стала и того позже, в 1968 г., после выпуска в прокат фильма «Три тополя на Плющихе». Значит, Смеляков написал своё стихотворение до песни Пахмутовой. Но так ли важна эта точность? «А ты... ты летишь, и тебе дарят звёзды свою нежность...». Читатель, вам выражение «нежность звезд» не напоминает общностью настроения есенинские строки: «Братья мои, люди, люди! / Все мы, все когда-нибудь / В тех благих селениях будем, / Где протоптан Млечный Путь»?

Небо без солнца

«Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу».

Какой верный ленинец это написал? Это написал А.С.Пушкин в оде «Вольность» в 1817 году. Что же сделал поэту «самовластительный злодей»? Убил его родителей? Обокрал? Обесчестил? Заточил в тюрьму? Нет. Родители в почёте, сам поэт только что закончил обучение в привилегированном лицее (*), его ждёт обеспеченная, помещичья жизнь, и всё это благодаря «злодею». За что же такая ненависть, доходящая до желания смерти? Впрочем, «желание смерти» мягко сказано. Сам Пушкин выразился гораздо лютее: «Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу». (**)

Уж на что бесстрашен член РСДРП Г.П.Федотов, но даже он не мог не содрогнуться от этих строк. В статье «Певец империи и свободы», не цитируя самой строфы, он пишет: «Строфа из "Вольности": "Самовластительный злодей" и т. д., которая читается теперь, как проклятие, исполнившееся через 100 лет (***) , конечно, ужасна». Ужасна, и тем не менее, получите, дорогой Александр Сергеевич, звание народного певца империи. Это ли не яркий пример подобострастного еретического чтения, когда удобное принимается, а неудобное отвергается и перестаёт существовать для читающего?

(*) Напрашивается вопрос: чему же учили в Императорском Царскосельском лицее, если его выпускники носили в себе такие мысли и стихи? «Известно чему – французской революции. Кто не знает...», - многозначительно сказали автору читатели. Кто не знает? Я, например, не знаю. А если вы знаете, так почему молчите? Почему священник должен за вас об этом поскорю писать? Более того, если знаете, так почему литературу Пушкина отстаиваете? Потому отстаиваем, что батюшка, видите ли, не так кумира повергает. Надо бы его с любовью с пьедестала снимать, а он его по-крестьянски с вилами и оглоблей. Так вот же она, механика революций, дорогой читатель. Не хотят верхи покаяться, тогда их низы сметают. А обломки уносятся в океан. И скатертью дорога.

(**) «Сколько лет-то Пушкину?» - задали автору вопрос. Но что меняется от возраста? Пушкин это целокупный организм. Помните эти слова Ф.М.Достоевского, читатель? «Еще и еще раз повторю: эти периоды (три периода пушкинского творчества, на которые делит Достоевский деятельность поэта, о чём он говорит в начале своей речи, - Г.С.) не имеют таких твердых границ. Некоторые из произведений даже этого третьего периода могли, например, явиться в самом начале поэтической деятельности нашего поэта, ибо Пушкин был всегда цельным, целокупным, так сказать, организмом, носившим в себе все свои зачатки разом, внутри себя, не воспринимая их извне. Внешность только будила в нем то, что было уже заключено во глубине души его».

(***) Проклятие, исполнившееся через 101 год, если быть точными. И это очередное пророчество «пророка» Пушкина. Не правда ли, Федор Михайлович?

Что же тогда прочитал Федотов у Пушкина, что назвал его «певцом империи»? Нет, мы не будем возвращаться к его статье, не будем погрязать в словоблудии, но попробуем согласиться с этим званием, тем более, что и сами когда-то с восхищением читали «Медного всадника», непревзойдённую имперскую поэму Пушкина. Согласимся с Федотовым, но спросим: как можно петь хвалебную песню империи, а самого императора ненавидеть? Что это за песня? Кому она поётся?

Она поётся самому себе и той империи, в которой любят не императоров, но самих себя. Песнь поётся в свою славу и честь, а империя служит лишь декорацией, на которой исполняемый номер очень хорошо смотрится. Но ведь не себя в империи нужно любить, а империю в себе. Не так ли? Помните, читатель, подобную фразу про искусство? (*)

Чтобы легче было понять нашу мысль, вообразим невообразимое: христианина, который прославляет Небесное Царство, а самого Царя при этом ненавидит. Согласитесь, что этот христианин есть нечто уродливое, корыстное и гадкое. Он любит небесные блага, а того, кто их даёт, поносит, прокликает и даже смерти ему желает. Это больше чем гадкое, это, скажем мы, безумное, психически больное, опасное для общества, склонное к суициду существо, поскольку желать смерти Царю всяческих, значит, желать смерти самому себе. Но возможно ли такое, не воображаемое только, а живое создание? Так вот же оно – Пушкин.

Ну, а что вы ещё хотите услышать от меня, читатель? Речи о «синтезе империи и свободы» (**) и прочее словоблудие? Тогда читайте Федотова и оставайтесь с вашим Пушкиным уже даже не на краю бездны, но свесившись в неё с головой. Жалко мне вас.

Сия же ему отвечающую, Фист велиим гласом рече: беснуеши ли ся Павле? Многая тя книги в неистовство прелагают. Он же: не беснуюся, рече, державный Фисте, но истины и целомудрия глаголы вещаю. Русский перевод: *Когда он так защищался, Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел! большая ученость доводит тебя до сумасшествия. Нет, достопочтенный Фест, сказал он, я не безумствую, но говорю слова истины и здравого смысла* (Деян.26:24,25). Скажите мне, достопочтенный читатель, что я придумал или соврал? Я читаю по писанному: «Самовластительный злодей, / Тебя, твой трон я ненавижу, / Твою погибель, смерть детей / С жестокой радостью вижу». Скажите мне, что несогласного с этой строфой я заключил?

«А почему другой должен взвешивать за вас правоту-неправоту ваших обвинений? – ответил автору читатель. - Это дело самого автора, если он добросовестен».

Уважаемый читатель, автор своё мнение сказал. Скажите и вы своё «да» или «нет». Другие ответы типа «да, но» или «нет, но» не годятся. Нас, крестьян, Господь учит говорить просто: *да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого* (Мф.5:37).

Кстати говоря, если вы хотите оправдать поэта Пушкина перед Богом (именно поэта, а не человека), то лучшим делом с вашей стороны было бы не отыскание в его произведениях «синтеза империи и свободы», но приведение его творчества к одному какому-то полюсу. Если тема «империи» преимущественного места занять в творчестве Пушкина не может (что с неизбежностью следует даже из синтетической статьи Федотова) (***), то остаётся тема «свободы». Но почему не стоит синтезировать?

(*) Имеется в виду высказывание К.С.Станиславского: «Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве».

(**) Такой «синтез» на языке политиков называется конституционной монархией. В предреволюционной России сторонниками не абсолютной, но ограниченной монархии были все её подданные. Вы скажете, что никто этого не знает, потому что никто этого не считал. Господь считал, и если бы в Российской империи нашлись хотя бы 10-ть истинных монархистов, т.е. любящих императора больше своей жизни, то Он не дал бы ей погибнуть (ср.Быт.18:33).

(***) «Не из Федотова надо мерить Пушкина, а из Пушкина все перечитать до последней буквы, и тогда уже судить, коли неймётся», - посоветовали автору читатели. Что он ответил? Зачем мне читать всего Пушкина, когда мне одной только строки «Ты богородица моя» хватило, чтобы моё сердце, некогда открытое поэту, захлопнулось для него навсегда. «Ты богоматерь, нет сомненья, / Не та, которая красой / Пленила только дух святой, / Мила ты всем без исключения; / Не та, которая Христа / Родила не спросясь супруга. / Есть бог другой земного круга - / Ему послушна красота, / Он бог Парни, Тибулла, Мура, / Им мучусь, им утешен я. / Он весь в тебя - ты мать Амура, / Ты богородица моя!» (1826 г.) Захлопните и вы ваши сердца, читатель, от этих строк. Я вас прошу, я вам прямо говорю, что Православие и литература Пушкина – две вещи несовместные.

И Ангелу Лаодикийской церкви напиши: так говорит Аминь, свидетель верный и истинный, начало создания Божия: знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Откр.3:14-16). Достоевский очень кстати цитирует эти стихи в «Бесах».

- А можно ль веровать в беса, не веруя в Бога? - засмеялся Ставрогин.

- О, очень можно, сплошь и рядом, - поднял глаза Тихон и улыбнулся.

- И уверен, что такую веру вы находите всё-таки почтеннее, чем полное безверие... - захохотал Ставрогин.

- Напротив полный атеизм почтеннее светского равнодушия, - по-видимому весело и простодушно ответил Тихон, но в то же время осторожно и с беспокойством всматриваясь в гостя.

- Ого, вот вы как, да вы решительно удивляете.

- Совершенный атеист, как хотите, а всё-таки стоит на предпоследней верхней ступени до совершеннейшей веры (там перешагнет ли ее, нет ли), а равнодушный никакой уже веры не имеет кроме дурного страха, да и то лишь изредка, если чувствительный человек.

- Гм. Вы читали Апокалипсис?

- Читал.

- Помните: "Ангелу Лаодикийской церкви напиши"?.

- Помню.

- Где у вас книга? - как-то странно заторопился и затревожился Ставрогин, ища глазами на столе книгу, - мне хочется вам прочесть... русский перевод есть?

- Я знаю место, помню, - проговорил Тихон.

- Помните наизусть? Прочтите!...

Впрочем, мы отвлеклись. Нести бремя империи подданным подобает не ради самих себя и не ради империи как таковой, но ради славы императора. В противном случае империи затевать не стоит. Вы опять со мной не согласны, читатель? Вы думаете, я вам навязываю новый культ личности? Что ж, давайте вновь обратимся к сравнению земной империи с Небесным Царством и повторим сказанное, заменив слово «империя» словом «Царство». Нести бремя Небесного Царства (*) христианам подобает не ради самих себя и не ради Небесного Царства, но ради славы Небесного Царя. В противном случае Небесное Царство обойдётся без христиан. Не верите мне? Послушайте Златоуста.

«Он [Павел] любил Христа не ради принадлежащего Христу, но ради самого Христа, к Нему устремлял взор свой и одного страшился – отпасть от этой любви. Отпасть от любви Христовой для него было ужаснее самой геенны, равно как пребывать в любви вожаденнее самого Царства. /.../ Он из любви ко Христу готов был подвергнуться геенне и лишиться Царства, если бы ему предстояло то и другое, а мы не можем пренебречь и настоящей жизнью. Неужели мы достойны даже обуви апостола, будучи так далеки от величия его духа? Он и самое Царство вменял ради Христа ни во что, а мы презираем Христа и придаём большее значение тому, что принадлежит Христу. И хорошо было бы, если бы мы высоко ценили хотя бы принадлежащее Христу, но теперь, оставив и это, а также Царство, которое предложено нам, мы каждый день гоняемся за тенью и призраком...» (т.9, с.714).

Надо ли пояснять мысль Святителя? Надо ли говорить, что Небесное Царство без Христа это то же самое, что небо без солнца? Вообразим себе такое небо. Вообразим, что всё под ним есть из того, что мы привыкли видеть: земля, трава, деревья, люди, животные, дороги, дома..., а солнца нет. И если неделю или месяц, ну, пусть даже год мы можем прожить без солнца, т.е. когда дневной свет светит, а самого солнца не видно, то можем ли мы так прожить три года, десять лет, всю жизнь? Решительно можно сказать, что под небом без солнца жить невозможно. Вот именно, зачем христианам Небесное Царство без Христа?

«К чему эти переходы от земной империи к Небесному Царству?» - спросите вы.

Они есть продолжение наших бесед о небесных печатях и земных отпечатках. Хотите земного царства, православные? Тогда сверяйтесь с Небесным оригиналом. Не будет между ними сходства, не будет и блага, т.е. не будет в строимом земном царстве благодати, но окажется оно подобным Российской и Советской империям.

Что значит: нести бремя империи не для себя? Это значит не искать в ней личных выгод, которые могут быть не только вещественными, но и невестественными. К последним относятся гордость, тщеславие, любоначалие, славолубие и прочие страсти.

А что значит нести бремя империи не ради империи? Это значит, не использовать силы империи для осуществления выдуманных идеалов, которые могут быть не только материальными, но и нематериальными. К первым относятся крупнейшие в мире ГЭС, освоение луны, строительство вавилонской башни и тому подобные проекты, к последним относятся отсутствие частной собственности, свобода, равенство, братство и прочие недостижимые на земле вещи.

Итак, нести бремя земного царства (оставим слово «империя» для российской и советской историй, вернёмся к привычному нам слову «царство», только в отличие от Небесного, будем писать его с маленькой буквы) подобает ради славы земного царя. Все прочие цели устройства царства должны отойти на второй план, и тогда только оно будет образом Царства.

Мне могут возразить, что православное царство должно строиться не для славы земного царя, но для славы Царя Небесного, т.е. для утверждения на земле православной веры. Нет, скажу я вам, не царства утверждают веру, но вера утверждает царства. (**). И эта истина непреложна.

(*) Что такое «бремя Небесного Царства»? Это бремя, которое несут христиане со своим Царём. *Иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф.11:30).

(**) «Одно другому не мешает, господин казуист», - сказали автору. Похоже, вы не поняли моей мысли, читатель. Но я уже тут не причём.

Богодоставшийся царь

В предыдущей главе, говоря о героях романа «Бесы», мы часто цитировали Послание к Римлянам. Мы вновь вынуждены обратиться к нему, поскольку самое его название обязывает нас это сделать.

«Москва – третий Рим, а четвёртому не бывать». Кто не слышал этих слов псковского старца Филофея? Ну, а кто не слышал, тот пусть почитает... Даже не знаю, что посоветовать почитать. Сколько книг, столько мнений. Сколько бы людей ни писало об этом вопросе, все пишут по-разному. Всё запутано и политизировано. А вы говорите, что церковь должна стоять вне мира и политики. Церковь всегда была и будет в самой гуще событий. Монастырский старец, который ничего кроме своей келии и храма не должен был знать, а глядите-ка, какую кашу заварил. Да, кстати, хочу спросить вас из своей келии: «Стоит ли Третий Рим? Стоит ли Москва? Я давно в ней не был. Почему об этом спрашиваю? Потому что, если Третьего Рима нет, а четвёртому не бывать, то в каком месте мировой истории мы находимся? Что? **Стоит**, говорите? Ну, тогда римлянам надо читать Послание к Римлянам».

Ибо что говорит Писание? Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность. /.../ Когда вменилась? по обрезании или до обрезания? Не по обрезании, а до обрезания. И знак обрезания он получил, как печать праведности через веру, которую имел в необрезании (Рим.4:3,9-11). Апостол Павел говорит здесь о ключевых событиях ветхозаветной истории: оправдании Богом Авраама и об установлении обрезания. О первом событии можно прочесть в 15-ой главе Бытия, стихи 5-6, о втором – в 17-й главе, стихи 10-27. Между оправданием и обрезанием прошло около 14-ти лет. Но зачем нам, говорящим о православных царствах, нужно вспоминать эти древние события?

Мы хотели выяснить, что прежде: православная вера или православное царство? Вы говорите, что царство служит для утверждения веры? А я вслед за Апостолом говорю, что всё наоборот: вера служит для утверждения царства. Но у Апостола нет слов о царстве, скажете вы, он говорит про обрезание. Предлагаю обратиться к Златоусту, он нас рассудит, но чтобы дважды не перепечатывать его слова (хотя Златоуста можно перепечатывать и дважды, и трижды, и бесконечно), я в скобках поставлю свои пояснения.

«Но скажешь, что обрезание (царство) служит знаменем праведности? И это для тебя, теперь же этого уже нет, так как тогда ты нуждался в телесных знаменях, а теперь в них нет уже нужды. Еще спросишь: по вере Авраама (русских православных праведников) разве нельзя было узнать о душевной его (их) доблести? Конечно, можно было, но ты нуждался и в этом дополнении. Так как ты не возревновал о душевной добродетели и не мог её увидеть, то тебе и дано было чувственное обрезание (царство), чтобы ты, упражняясь в этом телесном знаменем (царстве), мало-помалу руководился и в направлении к душевному любомудрию, и, со всем усердием приняв обрезание (царство), как знак самого высокого достоинства, научился подражать прародителю (православным русским прародителям) и почитать его (их). /.../ Обрезание (царство) тогда бывает знаменем, когда вещь, знаменем которой оно служит, то есть – вера, бывает видна в тебе; равным образом, если ты не имеешь веры, то и знамение не может быть уже знаменем. Чего, в самом деле, оно будет знаменем, чего печатью, как скоро нет запечатанного? Это было бы подобно тому, как если бы стал показывать нам денежный мешок с печатью, когда внутри него ничего не положено. Также смешно и обрезание (царство), когда внутри нет веры» (т.9, с.595).

Иной читатель, прочитав эти слова, скажет: «Без объяснений понятно, что царство без веры пусто есть. Зато пусть батюшка пояснит нам, зачем ему понадобилось сравнивать русское царство с иудейским обрезанием? В насмешку над царством?»

Повторяю кратко. Как обрезание было дано евреям в удостоверение правой веры, так царство было дано русским в удостоверение правой веры. Вот моя мысль. Где тут насмешка? Впрочем, если хотите её услышать, то можно продлить сравнение в современность и сказать, что искание царства прежде обретения веры это и есть иудейство, которое, как известно, занято тем, что хранит обрезание после потери веры.

Несколько столетий понадобилось русскому народу для собирания царства, утверждённого на православной вере. От времени отступления на север из разорённого монгольскими ордами юга Руси до времени московских великих князей, т.е. около 200 лет. Несколько столетий понадобилось русскому народу, чтобы живя в православном царстве, растерять веру. От времени пресечения прямой линии Рюриковичей на царском престоле и первой русской смуты до начала 20-го века, т.е. около 300 лет. Сколько же столетий понадобится, чтобы вновь собрать веру и царство? Причём, в старые добрые времена веру собирали вокруг монастырей и храмов, а нынче, вокруг телевизора что соберёшь? Не соберёшь, но потеряешь остатки веры, сидя перед ним, поскольку самую способность трезво мыслить губит телевизор. А без здравого ума не может быть здоровой веры. *Поучение сердца моего разум* (Пс.48:4), т.е. через разум к сердцу – таков путь возрастания в вере, причем, это другой вопрос.

Как нынче собрать веру, когда из телевизора такой наваливается морок, что силы поднять руку, чтобы перекреститься, скоро уже не будет? Так бывает в кошмарном сне: силишься проснуться, хочешь перекреститься – и не можешь. Сидящий перед телевизором погружён в такой сон, но он не кажется ему кошмаром, он к нему привык.

Как нынче собрать веру, когда уже не понимается то, что должно пониматься само собой, а именно, что, разговаривая на пушкинском языке, Россия приготовила себе революцию и тиранию? «Под «пушкинским языком» я разумею не литературно-художественный язык Пушкина, но ту сердечную силу, которая движет устами говорящего, и которую Господь назвал «избытком». *От избытка бо сердца уста глаголют* (Мф.12:34). Бродящая и пенящаяся

в сердце сила движет устами пророка или святителя, поэта или писателя. А красота слога и *извития словес* (Прем.Сол.8:8) это уже вещь не скажу маловажная, скажу: второстепенная.

Уста моя возглаголют премудрость, и поучение сердца моего разум (Пс.48:4). Этот псаломский стих произносится за Богослужением в качестве прокимена в дни памяти церковных Учителей и Святителей. В нём показано устройство духовной жизни. От избытка сердца уста глаголют премудрость. Потом эту премудрость, не вполне понятную, пережевывает разум. И возвращает её, подкреплённую логикой, в сердце, укрепляя его в вере. Затем этот круг повторяется. *Пойдут от силы в силу, явится Бог богов в Сионе* (Пс.83:8). Бог богов – Христос, в Сионе – в сердце. И нужно крестьянам восходить от силы в силу, *доколе не изобразится в вас Христос!* (Гал.4:19)

От сердца к сердцу передаётся духовное знание, и способ передачи, т.е. литературно-художественный язык при этом не столь важен. Весь вопрос в том, что *говорится*? Каким духовным квасом квашено говорящее сердце? Каким духовным пивом оно напаяет сердца слушающих? И если сердце не очищено Богом, если оно переполнено страстями, то какую премудрость оно возглаголет? «Премудрость» жуткую, «премудрость» кошмарную, ибо из страстного *сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство* (Мк.7:21-24).

Итак, если на пушкинском языке говоря, Россия окончательно растеряла православную веру и собрала себе революцию и тиранию, то теперь, на телевизионном языке говоря, что себе Россия готовит? Какую «веру» собирает?

Пуля в царя это – пуля в Царя. И она возвращается уже не телесной смертью, но вечной. Пуля в царя это – пуля в веру, в корень жизни, в то самое, что оправдывает нас перед Богом. *И верова Авраам Богу, и вменися ему в правду* (Быт.15:6). Пуля в царя это – пуля в самого себя. Понял ли это Смеляков, возлагая два цветка на могилу Сталина в 1964 году? На могилу того, кто был для него царём, доставшимся ему от Бога. Мне кажется, понял.

«Правильно сказать: царём, данным ему от Бога», - поправит меня читатель.

Нет, именно доставшимся от Бога, как достаются постиранные казённые вещи в армейской бане. Там, что тебе дали взамен сданного, то и бери. Доставшимся уже потому, что богоданные цари кончились в марте 1917. Богоданным был царь у Пушкина, но он не захотел ему служить, предпочтя служить самому себе и Аполлону. Необходима, решительно необходима была для завшивевшего российского общества спасительная армейская баня. А то, что она вышла такой страшной, что тереть себя, смывая грязь, пришлось до мяса и костей, то это, уж как говорится, по грехам нашим.

Богодоставший царь? Может, лучше назвать товарища Сталина «богоданным вождём», как назвал его Патриарх Сергей? В своём послании к пастве 7 ноября 1943 года Патриарх призвал верующих поусерднее помолиться «о богохранимой стране нашей и о властях её во главе с нашим богоданным вождём». Говорю об этом как об историческом факте, без комментариев. Впрочем, стихи Смелякова – лучший комментарий к этим словам Патриарха.

Где-то я слышал, что спасительной является только истинная вера, что вера в ложь не спасает. Кто бы спорил с этим утверждением, но дело в том, чтобы узнать, где истина, часто всей жизни не хватает. Часто не хватает жизни нескольких поколений, чтобы узнать, где ложь, как мы это видим на примере творчества А.С.Пушкина. Но Бог милостив, и верность неправде Он вменит заблудшим в праведность, если они, конечно, искренне заблуждались, т.е. если они

были правдивы перед собой, когда призывались на суд своей совестью. Вернее же сказать, Бог скорее приведёт к покаянию хранящих верность неправде, чем вероломных в отношении к истине, если только первые были искренне верны своей лжи. А ещё вернее сказать, Бог скоро приведёт к покаянию тех и других, если они будут смиренны. Но охотнее и быстрее смиряются перед Богом искренние (*), чем неискренние.

(*) Слово «искренний», говорит прот.Дьяченко, происходит от слова «искрь», что значит «близ». Искренний = 1) ближний (см.Мф.5:43); 2) чистосердечный, нелицемерный.

Благо мне, яко смирил мя еси

Тако глаголет Господь: Небо престол Мой, земля же подножие ногу Моею: кий дом созиждете Ми, и кое место покоища Моего? Вся бо сия сотвори рука Моя, и сия суть вся Моя, глаголет Господь. И на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих (Ис.66:1,2).

Последняя глава книги Пророка Исаии начинается вопросом о месте Божьего покоя. Что может стать таким местом, если всё творение безоговорочно принадлежит Ему? После услышанного от Бога вопроса Пророк предлагает услышанный ответ: таким покоищем является для Господа душа кроткая и молчаливая и трепещущая словес Его. Таким образом, не бездушное творение, но душа, наделённая от Бога свободой выбора, может стать для Него, если пожелает, местом покоя. Не всякая душа, но только смиренная и сокрушенная и трепещущая слов Божиих. Почему только такая? Не потому, что Он не может заставить гордую и строптивую душу дать Ему места: Он может всё; но потому, что гнушаясь насилия, Он гнушается гордой душой. Наделив тварь предельной, вернее сказать, беспредельной свободой – принять или отвергнуть своего Создателя – Он наделил её беспредельной ответственностью: самой себе выбрать путь вечного спасения или путь вечной гибели.

В начале 10-ой главы этих записок, приводя слова Апостола Павла: *поэтому будем опасаться, чтобы, когда еще остается обетование войти в покой Его, не оказался кто из вас опоздавшим* (Евр.4:1), мы пытались вникнуть в эти слова и понять, что, говоря о Божьем покое как о главной цели существования твари, Апостол говорит, что *оний покой* (Евр.4:11) начинается не где-то и когда-то, но *днесь*. О том же самом, что покой начинается не где-то и когда-то, но *днесь*, т.е. в общении с Господом говорит Пророк Моисей, когда молит Его идти вместе с еврейским народом. *[Господь] сказал [ему]: Сам Я пойду [перед тобою] и введу тебя в покой. [Моисей] сказал Ему: если не пойдешь Ты Сам [с нами], то и не выводи нас отсюда, ибо по чему узнать, что я и народ Твой обрели благоволение в очах Твоих? не по тому ли, когда Ты пойдешь с нами? тогда я и народ Твой будем славнее всякого народа на земле* (Исх.33:14-16). Т.е. хождение Бога вместе с народом, сопутствие и сопребывание с Ним для Моисея желаннее покоя земли обетованной, в которой течёт мёд и молоко. Этому же научает нас Святитель Иоанн Златоуст, говоря, что для христианина общение с Царём, верность Царю и обретение Царского благоволения выше и важнее самого Царства.

Где же место Божьего покоя? В смиренной и кроткой душе. *Возмите иго Мое не себе, и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф.11:29). Значит, в чём состоит главная земная наука? В научении Божию смирению.

Заблуждающийся, но смиренный сердцем, рано или поздно найдёт истину, потому что Господь поможет ему. *А вот на кого Я призрю: на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом Моим.* Гордое сердце не понимает истины, и даже пребывая во внешнем правом исповедании её, оно внутренне остаётся неправо перед Богом. И это очередной парадокс Божией славы (*), что заблуждающийся смиренник искреннее, т.е. ближе к Богу, нежели превозносящийся хранитель истины. Почему? Потому что первый близок к падению, тогда как второй близок к духовному восстанию.

(*) Греческое слово «парадокс» состоит из приставки «пара» - 1) у, возле, 2) мимо, 3) вопреки; и корня «докса» - 1) предположение, 2) мнение других о ком-либо, 3) слава. И может быть переведено как «против мнения». Но парадокс на то и парадокс, что его ещё можно перевести как «возле славы». Чьей, спрашивается, славы? Конечно, Божией.

Мы часто обращались на этих страницах к лестнице Патриарха Иакова. Эта лестница – образ духовного восхождения к Богу, значит, и понимать её нужно духовно. Ступени лестницы ведут вверх, но ум, идущего по ней, должен быть обращён вниз. *Горе имеем сердца* – призываются верные к восхождению по сей лестнице в Таинстве Евхаристии, но идти по ней безбоязненно могут только сокрушенные и смиренные сердца, ибо только такие сердца неосужденно приемлет Господь в Свой покой. Как же быть? Как согласовать сокрушение и возношение, сердце вверх и сердце *долу*?

Возноситься верующее сердце должно не своей, но Божией силой, а чтобы Бог действовал в сердце, оно не должно Ему в этом препятствовать, оно должно *умалиться* и сокрушиться. *Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс.118:71). Сей стих начертан на каждой ступени Небесной лестницы, которую видел Патриарх Иаков, и которая зовётся смирением. *Благо мне, Господи, яко дал мне увидеть своё окаянство, яко да научуся оправданием Твоим* на этой ступени. Лестница ведёт вверх, а голову надо клонить вниз, и на каждой ступеньке, чем выше, тем чаще повторять: *Благо мне, яко смирил мя еси.* Ибо по слову Господа, *всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк.14:11).

Смирение есть отличительное свойство богомудрой души. Оно же есть главное условие восхождения по Патриаршей лестнице. И когда мы говорили о возвышении Российской Православной Церкви при возвращении ей в 1943 году имени Русской, то имели в виду её возрастание именно в этом качестве – в смирении. Впрочем, всё это красиво и складно на словах. А в жизни? Какими трудами и потами даётся духовное возрастание не теоретически, но практически?

В монастырях о таких братьях, как товарищ Сталин, говорят: они посылаются нам для смирения. И когда товарищи Сталины находятся в общественном низу, являя там свои разнообразные способности, и когда они пробираются во власть, – в обоих случаях о них в широком братском совете решается, что они направлены в монастырь Богом для всеобщей душевной пользы.

Что делать, и кто виноват? Эти вопросы почему-то называют русскими, но лучше назвать их российскими вопросами. Бороться? Бунтовать? Поднимать восстание, бежать за границу, писать жалобы, свергать? Это всё пустые и безумные дела, потому что, если кто поставлен от

Бога, то вместо него, свергнутого или уничтоженного, будет поставлен другой, ещё более коварный и жестокий.

Унывать? И это занятие недостойно разумной и богобоязненной души. *Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха, и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаётся без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а Сей - для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности (Евр.12:2-11).* Какое великое утешение, какая благодать, какое несомненное удостоверение Божией любви открывается и познаётся в Его наказании! Ибо пребывающие без наказания называются в церковно-славянском переводе 8-го стиха: *прелюбодейчици есте, а не сынове.* (*)

(*) Прелюбодейчищ = незаконнорожденный. Словарь прот.Г.Дьяченко.

Что же остаётся делать? Остаётся смиряться и терпеть, утешаясь Священным Писанием. И бороться не с кем-либо или чем-либо внешним, но с самим собой. Иного пути в Царство Небесное нет. Кстати сказать, иного пути нет и в земное царство, которое, если хочет быть благодатным и спасительным, должно во всём подражать Небесному. Путь в это благодатное земное царство должен быть освещён светом веры, и начинаться он должен с покаяния. Жизнь человека, идущего в царство, должна быть постоянно покаянно осмысляема.

«В чём опять каяться и что переосмысливать? Сколько можно этим заниматься? - скажет раздраженно читатель. (*) - Почему опять нужно какие-то грехи в своей личной и в исторической жизни искать? Почему нельзя жить просто и легко, как все другие государства?»

Каяться нам, русским, нужно в том, что мы отказались защищать себя с верой в самодержавного царя, являющегося образом Царя Небесного, и стали защищать себя с верой в вождя-безбожника и в коммунизм. Каяться нам, русским, нужно в том, что, начиная с какого-то времени православная вера стала унижаться в народном сердце и в результате была так унижена, что понадобилось заменить её ложной верой, чтобы спасти самих себя. (**)

Но почему, спрашивается, нельзя русскому человеку жить без сверхзадач и без устремлений в нечто невидимое, т.е. без веры, ложной или истинной, ибо по определению Апостола Павла *вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом* (Евр.11:1)? Почему русским людям нельзя жить, как все другие народы живут, т.е. просто и без затей? Потому что русское сердце живо только верой. Потому что русское сердце без веры перестаёт быть русским.

(*) «Совсем безбожником стал, что ли, ваш читатель? Так он бы до сей страницы ни вжисть бы не дополз», - сказали автору. Не дополз бы, говорите? А если всё-таки дополз, то,

наверняка, устал ползти. Тем более нужно его взбодрить немудрёным словом. Кто он – мой вымышленный читатель? Стойкий оловянный солдатик? Настоящий послушник, который, хвалят ли его или несправедливо поносят, всё кротко принимает? Я сам не знаю, кто он, но пусть он и остаётся таким, терпеливым солдатом и смиренным послушником, мой воображаемый читатель.

(**) «Русская церковь в параличе со времени Петра I, сказал Достоевский», - заметили автору читатели. Ну, так укреплял бы её делами и молитвой, а не художественными романами. Это замечание и ко мне относится, и к вам, мой дорогой невымышленный читатель, потому что церковь это мы с вами и есть. В этой Церкви состоит и раб Божий Феодор, который, говоря свои слова о Петре, говорит как бы так: я в параличе со времени Петра. Но ведь он Пушкина провозглашает новым светочем. Но ведь он себя здоровым считает, раз учит. Вот и вы себя, скажете, таким же считаете, раз учит. Священник должен учить. *Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явление Его и Царствие Его: проповедай слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием. Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням. Но ты будь бдителен во всем, переноси скорби, совершай дело благовестника, исполняй служение твое (2Тим.4:1-5).*

Не нам Господи, не нам, но имени Твоему

Каяться, значит спасаться. Вы не хотите спастись, читатель? Покаяться, значит признаться в своих грехах, и с Божией помощью постараться не повторять их более. Все наши грехи Богу известны, значит, ничего нового мы Ему не скажем, когда назовём их вслух. Зачем же тогда их называть? Затем, чтобы увидеть их и порадовать Бога своим намерением их оставить. С каких грехов начнём?

«Наконец, в самом ходе истории есть, как представляется, смысл, который, правда, трудно выявить, но который значительней всех наших мыслей об истории. Никто до 1941 года не мог ясно предвидеть, что страна будет вынуждена вести колоссальную - геополитическую - войну за само свое бытие на планете с мощнейшей военной машиной, вобравшей в себя энергию почти всей Европы. Но вполне уместно сказать, что сама история страны (во всей ее полноте) это как бы 'предвидела', - иначе и не было бы великой Победы!» Так подытожил В.В.Кожин главы своего историко-филологического «беспристрастного исследования» (как он сам его охарактеризовал), рассказывающие о 1901-1939 гг. российской истории. Здесь кратко выражен исторический взгляд на совершённые советской властью преобразования в жизни страны как на полезные и плодотворные. Этот взгляд известен, но у Кожина он охватывает историю страны «во всей её полноте». Что это значит? Это значит, что к войне и её вершине – великой Победе – вела не одна только советская, но вся предыдущая российская история. Таким образом, вся история России оказывается оправдана Победой. Этот взгляд вселяет определённую надежду на светлое будущее, но он бесконечно далёк от покаяния и от Небесного Царства. Почему?

Богу не нужны наши людские победы и достижения, заслуги и отличия, отчёты о подвигах и трудах. Ему хочется услышать от нас простое человеческое: Господи, помилуй! Вот смысл земной истории, который, как говорит Вадим Валерьянович, «трудно выявить, но который значительней всех наших мыслей об истории». Почему я так уверенно об этом говорю? Потому что, если в словах *Господи, помилуй* (Мф.17:15), т.е. в молитвенном обращении к

Богу заключён смысл жизни каждого человека, то, стало быть, в них заключён смысл жизни всего человечества.

Оправдывая историю страны Победой, В.В.Кожин, удивительное дело, забывает всё, что сам так талантливо изложил в своей «Истории России». Жертвы революции и гражданской войны, жертвы раскулачивания и террора, царубийство, миллионы расстрелянных, уничтоженных, замученных, уморенных людей. Как быть с их памятью? Неужели и их нам следует в жертву Великой Победе принести? Если мыслить по-кожиновски, если вслед за ним согласиться, что Победа покрывает всё, значит, нужно согласиться со всем, что было прежде неё. Но этот взгляд на историю далёк не только от покаяния, он далёк от христианства.

С самого начала своего бытия русская мысль, пытаясь понять причину постигающих народ бедствий, работала чётко. «Умоляю вас, братия и дети, исправьтесь, обновитесь добрым обновлением, перестаньте делать зло, убойтесь Бога, сотворившего нас; вострепещите суда Его страшного! К кому идём? К кому приближаемся, отходя от сей жизни? Чего мы не навлекли на себя? Каких не понесли мы наказаний от Бога? Не была ли пленена земля наша? Не были ли взяты города наши? Не в короткое ли время отцы и братия наши пали мертвыми на землю? Не отведены ли в плен жены и дети наши? А мы, оставшиеся, не порабощены ли горьким рабством от иноплеменников? Вот уже сорок лет томление и мука и тяжкие налоги, не прекращаются также голод и мор скота нашего. Мы и хлеба не можем есть в сладость. От вздыханий и печали сохнут кости наши. Что же довело нас до этого? Наши беззакония и наши грехи, наше непослушание и наша нераскаянность. Умоляю вас, братия, пусть каждый из вас вникнет в свои мысли, рассмотрит сердечными очами дела свои, возненавидит их и откажется от них. Прибегните к покаянию: гнев Божий прекратится, и милость Господня излиется на вас. Мы в радости будем жить на земле нашей; а по отшествии из сего мира придем с радостью к Богу своему, как дети к отцу, и наследуем Царство Небесное, для которого Господом мы созданы...»

Так взывал святитель Серапион Владимирский (†1275) в то время, когда Русь страдала под страшным ярмом неверных. Так взывал святитель Феофан Вышенский (†1894), когда другое ярмо – раболепия перед Западом легло на умы людей верхнего (воспользуемся этим словом Достоевского) слоя российского общества. «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает...» «Поругаем бывает народ, недостойно носящий на себе имя Божие» (*), - осмелимся мы повернуть мысль святителя Феофана в эту сторону.

(*) В кондаке Кресту в словах «тезоименитому Твоему новому жительству щедроты Твоя даруй, Христе Боже» под словом «жительство» понимают христиане как носители имени Христова. Христианин тезоименит Христу. Тезоименитый, значит то жеименный, равноименный.

Зачем к нам приходили галлы с двенадцатью языками в 1812? Зачем к нам приходили немцы «с мощнейшей военной машиной, вобравшей в себя энергию почти всей Европы» в 1941? «Бог послал их истребить то зло, которое мы у них переняли». Но, да не подумает

читатель, что под «злом» я разумею науку и технику, корабли и станки, машины и заводы, которые, начиная с Петра, да и прежде него (просто при Петре всё значительно ускорилось) стали поступать из-за границы в Россию. Под злом я разумею, вслед за преосвященным Феофаном, неверие.

Они бы не пришли, Бог попросту не послал бы ни монголов, ни французов, ни немцев, если бы не было нужды научить нас уроку. Какому? Уроку веры в Бога, Который есть *Альфа и Омега, начало и конец* (Откр.21:6). К кому взывать, когда от вздыханий и печали сохнут кости? Кого просить о помощи, когда захвачены города и пленена земля? Кого молить об избавлении от горького рабства иноплеменникам? Только Его одного просить и молить. Только так должен мыслить нормальный здоровый человек. Если же он мыслит иначе, если человек не ищет помощи и утешения у Бога, значит он ненормальный, значит совершенно справедливо Бог попускает быть ему побеждённым и зарытым в землю. Тогда как верующим в Него и жаждущим напитаться истинной веры, Он даёт *даром от источника воды живой. Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, и он будет Мне сыном* (Откр.21:6).

«Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал ее. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлет на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления», - говорит Святитель Феофан в конце 19-го века. И мы в начале 21-го века должны сказать то же самое. Впрочем, не всё в точности повторить, но слова о французских учителях заменить словами об учителях американских. Что же касается урока, то, он в 20-м веке в отличие от века 19-го начал не столько забываться, сколько не был усвоен. Незавидная у нас ситуация: не понять, да ещё и забыть непонятое.

Прислушаемся к ходу мысли В.В.Кожина. «Сама история страны (во всей её полноте) как бы 'предвидела'» войну и готовилась к ней. История страны предвидела? Звучит странно, ну, да ладно, не будем придирается к мелочам: понятно, что предвидеть может не история, но страна. Итак, страна предвидела войну? С какого времени? Чтобы нам не начинать от варягов, скифов и вятичей, предлагаю из всей полноты русской истории ограничиться отрезком, называемым российским. Страна предвидела войну со времён Петра? Страна предвидела, что за грех оскудения веры ей придётся воевать? Выходит, страна сама себе готовила войну?

«Нет, батюшка, - прервёт мои вопросы читатель, - какой же вы непонятливый. Вадим Валерьянович хочет сказать, что Европа готовилась к нападению, а Россия готовилась к защите».

Но ведь Святители только что объяснили нам, почему Бог попускает нападать на нас и Европе, и всему миру. Европа не воевала бы против нас, если бы не наша нужда в обучении вере. Чья же вина в нападении Европы на Россию? Наша. Кто виноват, что Богу понадобилось прибегнуть к военным методам обучения? Мы. (*) Чья же заслуга в победе? Победа Божия, а беда наша. По-беда – то, что после беды. (**) Под бедой я разумею не столько внешние беды, сколько причину всех бед – неверие. Чем же гордиться победителям? Тем, что собрали на свою голову военную грозу, и только благодаря Богу её пережили? Невелика заслуга получить по заслугам.

А если гордиться христианам, то не собой, да не соберём на свои превозносящиеся, *яко кедры ливанския* (Пс.36:35), головы новых бед. Гордиться нужно Богом, дарующим всё: и веру, и урок, и победу, и спасение, и оправдание, и благодать. *Не нам Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу о милости Твоей и истине Твоей: Да не когда рекут языцы: где есть Бог их?* (Пс.113:9,10). И ещё: *не вниди в суд с рабом Твоим, яко не оправдится пред Тобою всяк*

живый (Пс.142:2). Так мыслили и говорили русские люди со времён равноапостольного князя Владимира, так старались, если не мыслить, то хотя бы на словах говорить со времён императора Петра, но таких слов, не говоря о мыслях, мы не находим у историка В.В.Кожина.

Всё на алтарь Победы. Вся история страны только ради неё. Но ради чего такая Победа? Ради самой Победы? Ради чего нам вообще жить и побеждать? Ради самих себя? Ради потомков? Эти потомки скоро одичают так, что ничего и никого не будут помнить. Но не потому они так обеспамятствуют, что сами по себе станут равнодушны и черствы. Нет, потомки, быть может, хотели бы вечно помнить подвиг своих предков, но Бог не благословляет хранить ту память, которая питает гордость. Бог отнимает разум и память у гордецов, чтобы не погибнуть им окончательно. Победа, если она не приносится к ногам Христа Бога, не победа, но новая беда.

Гордость равна безумию, говорит Святитель Иоанн Златоуст. «Различишь ли ты, какие слова сказаны высокомерными и какие глупцами? Высокомерие, не соблюдая умеренности и возникая помимо ума (почему и называется «апония»), создаёт и глупых и тщеславных. И если начало премудрости есть страх Господень, то начало глупости есть неведение Господа. Итак, если ведение Бога есть мудрость, а неведение – глупость, неведение же происходит от гордости (а начало гордости есть неведение Господа), то следует, что гордость есть крайняя глупость» (т.9, с.786).

Ход мыслей В.В.Кожина свидетельствует не только об отсутствии в них христианских начал покаяния и смирения, он говорит о преобладании в них язычества. Что же такое язычество?

(*) «Примитивизируете вы всё, что только можно, господин Прокруст! Испытания и испытания Господь посылает не только отступникам от веры, но и праведным Иовам. Не так ли?» - заметили автору. Конечно, так. Но невозможно говорить обо всём сразу. В 6-ой главе, например, об этом и о гораздо большем сказано: «Куда же вела коммунистическая идея? В погибельную пропасть или на мучительное очищение называвших себя православными, в действительности же давно обьязычившихся и даже утративших понятие о том, что такое христианство, христиан? В могильный ров или на некоторое временное наказание? А, может, на попущенное Богом огненное искушение для укрепления в праведности? *И в мале наказани бывше, великими благодетельствовани будут, яко Бог искуси их и обрете их достойны Себе, яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я* (Прем.3,5-6). Эти слова часто читаются в церкви в качестве паримии в дни памяти святых. Они служат объяснением внутренней причины попускаемых Богом наказаний: *в мале наказани бывше, великими благодетельствовани будут*. Другую, внешнюю причину указывает Апостол Павел, когда пишет солунянам, что *мы сами хвалимся вами в церквах Божиих, терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами, в доказательство того, что будет праведный суд Божий, чтобы вам удостоиться Царствия Божия, для которого и страдаете. Ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с ангелами силы Его* (2Фесс.1:4-7). Из этих слов Апостола следует, что внешней причиной посылаемых от Бога наказаний является то, что гонения и скорби служат доказательством грядущего Божьего Суда».

(**) По-украински победа, значит, перемога. Красивое и умное слово, но наша «победа» выстраданнее и глубже.

Рабы неключимые

И пожроша сыны своя и дщери своя бесовом. И пролияша кровь неповинную, кровь сынов своих и дщерей, яже пожроша истуканным ханаанским. И убиена бысть земля их кровьюми (Пс.105:37,38). В синодальном переводе: *И приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, - и осквернилась земля кровью.* Кто творил эти зверства? Необузданные язычники? Кровожадные дикари? Нет, просвещённые законом Божиим и единственные хранители пути Господня из всех тогдашних народов – иудеи.

Что же это за безумие? Что за помрачение нашло на них? О причине сего духовного ослепления иудеев говорится тремя стихами выше. *Не потребиши языки, яже рече Господь им. И смесишася во языцех, и навыкоша делом их: И поработаша истуканным их, и бысть им в соблазн* (Пс.105:34-36). Синодальный перевод: *Не истребили народов, о которых сказал им Господь, но смешались с язычниками и научились делам их; служили истуканам их, которые были для них сетью.*

Не об этом ли самом, т.е. не о внешнем истреблении неверных народов, но о необходимости непрерывной духовной брани с их безбожным влиянием говорит Святитель Феофан, пытаясь раскрыть глаза тогдашнему верхнему российскому обществу на его внутреннее состояние? «Нас увлекает просвещенная Европа... Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня». Это сказано в конце 19-го века: адский угар, мы кружимся, как помешенные... Человеческие жертвы бесам пока единичны, революционеры запасаются бомбами и деньгами, но кровь российских сыновей и дочерей уже готова хлынуть на ханаанские истуканы Революции, Социализма, Великой Победы...

Святитель Феофан не сказал ничего нового, он переложил современным языком сказанное тремя тысячелетиями прежде него, потому и добавил: «Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает...» Псалмопевец же так говорит об этом: *И разгневался яростию Господь на люди Своя, и омерзи достояние Свое* (возгнушался достоянием Свом): *И предаде я в руки врагов, и обладаша ими ненавидящии их. И стужиша им* (теснили их) *врази их: и смиришася под руками их. Множицею избави я* (много раз Он избавлял их): *тии же преогорчиша Его советом своим* (они же огорчали Его упорством своим), *и смиришася в беззакониях своих* (и были унижаемы за беззакония свои) (Пс.105:40-44).

Внимательный читатель может сказать автору, что, говоря о причинах войн 1812 и 1941 годов, он ставит в один ряд православную империю и богоборческую страну. Иными словами, находя причины войн тождественными, автор допускает недопустимое – уравнивает государство, жившее по законам Божиим, с государством во всём противящимся Богу. Ставите, автор? Допускаете?

Ставлю и допускаю. Но не то же ли самое делает Кожин, когда говорит об истории страны «во всей её полноте»? Разве не соединяет он единой историей возглавляемое помазанником Божиим царство и поработённую безбожной властью страну? Если же по отношению к Победе допустимо связать советскую и досоветскую истории общей целью и не

считать 1917 год годом разрыва государственной преемственности, то почему нельзя сделать того же по отношению к причинам войн?

Советское государство есть детище Петра I. СССР это вершина петровских преобразований. А если ещё не вершина, то во всяком случае, большая веха того пути, что указал Петр России, сидя на фальконетовом коне. «Кнут Петра и путь России к свободе» - неплохое название для статьи. Или вот ещё недурное название: «Путь России к свободе от Бога». Или вот ещё: «Свобода от Бога и тирания греха». Впрочем, мы отвлеклись. Мы вели речь о том, что не только войны 1812 и 1941 годов, но и 1-я мировая война, и революция могут быть объяснены одной общей причиной – ослаблением веры. Более того, причина духовного ослепления иудеев, имеет то же основание: *Не потребиши языки, яже рече Господь им. И смесишися во языцех, и навыкоша делом их: И поработаша истуканным их, и бысть им в соблазн.*

Читатель, как вы думаете: каких истуканов понимает здесь Псалмопевец? Ханаанских Ваала и Астарту? Или каких-то других языческих богов, богинь и божков? Зевса, Артемиду, Аполлона? Свободу, Равенство, Братство? Окончательное Единение всех народов? Других химер? Имя идола не имеет значения, поскольку *идол в мире ничто* (1Кор.8:4). Каким бы именем не назывался идол, он по существу своему остаётся тем, чем был, т.е. ничем, пустотой. Как же возникает идол? Как делается пушка? Берётся дырка и обливается чугуном. Точно так для создания идола берётся *ничто* и обливается либо гипсом, либо красками, либо 50-ю томами сочинений, т.е. теми нашими мыслями, словами и делами, которые отвернулись от Бога и обратились к твари. В итоге, всякий идол орошается, если не буквально, то фигурально человеческой кровью. О кровавых человеческих жертвах идолам мы читаем в Псалтири, а пролитием крови ради идола в переносном значении может быть названо всякое наше обращение к пустоте, поскольку наши мысли, слова и дела производятся нашей плотью и кровью.

Это, конечно, упрощенное понимание идолослужения, в жизни всё намного сложнее, но если говорить по существу дела, то оно именно таково. Идол возникает из пустоты. Зло тоже, как мы говорили, пусто само по себе и обитает как паразит на созданном Богом *хорошо весьма* (Быт.1:31) мире (*). Причина же зла – похоть. То же можно сказать и об идоле. Он создаётся из ничего людскими страстями, из которых главные – сребролюбие, славолюбие, сластолюбие. Вот три основных слова, которые вместе или по отдельности могут быть начертаны на всех идолах, сколько бы их ни было. Итак, в жертву похотей и страстей проливается *кровь сыновей и дочерей* (Пс.105:37). Древние это народы или новые, православные или неправославные, языческие или еретические – всё равно. Народы разные, но истуканы одинаковы во все века, и главный среди истуканов – гордость.

«Всё это понятно, - быть может, скажет читатель, - но причём здесь писатель В.В.Кожин и победа СССР в Великой Отечественной войне?»

Победа это то, что бывает после беды. Беда же должна научать. Чему? Только не гордости и тщеславию, возникающим после пережитого, избави Бог, и не оправданию того, что было мерзостью перед Богом и того, что стало причиной Его гнева. Беда должна научать обращаться к Богу как к источнику жизни. Человек не должен и не может жить ради самого себя. Если же он свою жизнь проживает ради своей жизни, то он сам на себя надевает мертвую петлю язычества, сам для себя становится идолом, как об этом сказано в Великом покаянном каноне: «Самоистукан бых страстьми, душу мою вредя Щедре...» (**)

(*) *И виде Бог вся, елико сотвори: и се добра зело* (Быт.1:31).

(**) Четвёртая песнь Великого канона святого Андрея Критского, поемая в Четверток 1-ой седмицы Великого поста.

Жизнь ради жизни? Победа ради победы? Если так, то самоубийственный круг замыкается, и в него не проникнет Божий свет, если только этот круг не будет разорван покаянием. Смысл земной жизни лежит не на земле, но на Небе, и этот смысл – вечное спасение. Если только он понимается народом, значит, народ живёт осмысленно. Если не понимается, значит, бессмысленны народ и его правители.

Вывод, который делает В.В.Кожин из истории страны «во всей её полноте», не ведёт вверх, к покаянию и смирению, но ведёт вниз, к возношению, ведёт от христианства к язычеству. И если волхвы, т.е. персидские звездочёты, водимые звездой, пришли к Младенцу Христу (см.Мф.2:9-11), то водимый пушкинской звездой «пленительного счастья» советский мудрец уходит от Христа.

«О, все это славянофильство и западничество наше есть одно только великое у нас недоразумение, хотя исторически и необходимое». Читатель, помните эти слова Ф.М.Достоевского, на которые мы обращали внимание в 13-ой главе? Так вот, мне тоже думается, что российско-советская страница в истории Руси есть великое недоразумение, но не исторически только, как говорит Достоевский, а именно истерически необходимое недоразумение. Истерически, значит, не вполне здоровое. Необходимое, значит, попущенное Богом для конечного блага. Недоразумение, значит, требующее доразумения. Какого? Покаянного.

«В чём же раскаиваться? - спросит читатель. - В построенном на Неве городе, в великой литературе, в великой империи, в Победе, в выходе в космос?»

Кто из вас, имея раба пашущего или пасущего, по возвращении его с поля, скажет ему: пойдя скорее, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне, пока буду есть и пить, и потом ешь и пей сам? Станет ли он благодарить раба сего за то, что он исполнил приказание? Не думаю. Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что должны были сделать (Лк.17:7-10).

Никто не отнимет у нас, русских, ни Победы, ни космоса, ни Российской и Советской империй, но не гордиться ими аз, недостойный священник, призываю вас, дорогие во Христе читатели, не гордиться, но, вспоминая о них, говорить: *яко раби неключимы есмы: яко, еже должны бехом сотворити, сотворихом*. Сохранили правую веру, защитили родину, показали миру пример великой жертвенной любви, но не своей человеческой силой всё это совершили, а Божией, и потому только совершили, что Он Сам повелел так сделать. Разве нельзя хранить и преумножать деяния предков без превозношения? Да и чем превозноситься? Диктатурой Петра? Тиранией Сталина? Русской литературой?

«Как же не гордиться нашей литературой? - изумится читатель. - Без русской литературы что от русских останется?»

Останется чистая правая вера святых отцов. Если же этой веры не останется, то, значит, от России не останется ничего, кроме воспоминаний. Как от Древней Греции остались только памятники архитектуры и литературы.